

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1

МОЛЧАНИЕ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Представлен обзор лингвистических исследований феномена молчания, суммируются данные о его сущности. Аргументированно подвергается сомнению весьма распространенное представление о молчании как сугубо негативном явлении, широко принятом не только в гендерных исследованиях языкового поведения. Молчание представляется как один из кодов, который в совокупности с другими кодами, в том числе и с главным из них – языком – конституирует коммуникативное поведение личности. Доказывается, что основой дальнейшего изучения гендерных особенностей использования кода молчания является скрупулезное выявление наиболее частотных его значений, встречающихся в реальном коммуникативном процессе в самых разных сферах и ситуациях общения. Сопоставление случаев употребления конкретных смыслов, манифестированных в коде молчания, позволит существенно уточнить те выводы, которые сделаны на основе генерализованных показателей количества молчания и говорения в поведении представителей разных гендеров. Полученные данные будут актуальны не только в теоретическом плане – для решения задач установления гендерной дифференциации языка, особенностей его функционирования, – но и с практической точки зрения. Незнание кода молчания обедняет наше общение, во многих ситуациях делает его ущербным.

Введение. Обзор гендерных исследований по молчанию может способствовать формированию впечатления, что только данные исследования занимались молчанием. Такое представление было бы крайне неверным, ибо феномен молчания с древнейших времен привлекал внимание исследователей самых разных областей гуманитарных знаний, особенно тех, чей интерес к данному феномену был исключительно философским, теологическим, а позже герменевтическим, антропологическим, психологическим, культурологическим, беллетристическим. Лингвисты же стали заниматься им относительно недавно. По справедливому замечанию одной из исследовательниц молчания, лингвистика, по сути, до самого последнего времени находилась «в плену у языка» [1, с. 13].

В течение последних десятилетий, однако, молчание перестало быть предметом относительно отвлеченных философских умозрений. Напротив, оно все больше становится объектом последовательного наблюдения и непосредственного изучения, особенно и главным образом в тех направлениях лингвистического анализа, которые занимаются коммуникативным аспектом языка, закономерностями его функционирования, проблемами его социально обусловленной вариативности. Проведенные за короткий период времени исследования уже позволили лингвистам, специалистам в области коммуникации и антропологии сформировать представление о некоторых важных чертах молчания, в частности, убедительно показали его значимость для развития языковой личности [2], для формирования полноценного коммуникативного пространства говорящего субъекта; аргументированно заявили о молчании как важнейшей антропологической характеристике [3, 4]; на многих примерах показали полифункциональность молчания в коммуникативном процессе [5 – 8]; описали ряд его важнейших типов [9], определили его стилистическую значимость [10]; установили существование аналогии между вербальными актами и актами молчания [11 – 13]; предприняли попытку идентификации стратегии коммуникативных актов молчания [14, 15]; сформулировали некоторые условия коммуникативной значимости молчания [16, 17]; начали изучение кросс-культурных различий в его манифестации [3, 18]; обсудили возможную обобщающую интенциональную модель молчания [19]; заявили о бесконечной полисемантической молчания, о том, что оно, практически, может означать все, что угодно [1, 20]; провели углубленные исследования некоторых его смыслов [9, 21].

Основная часть. Полученные в перечисленных работах данные позволяют поставить под сомнение интерпретацию молчания как сугубо негативного явления, широко принятую в гендерных исследованиях, и не только в них. Анализ более широкого круга работ по молчанию дает возможность убедиться в правомерности заключения М. Савиль-Тройке о том, что традиционный подход к интерпретации молчания квалифицирует его как негативный феномен [12, с. 3].

Одной из наиболее ярких работ данного плана является известное исследование Н.Д. Арутюновой [9]. Представив в эпиграфе к своему исследованию два только на первый взгляд полярные, но позитивные толкования феномена молчания, автор сосредоточивает всю мощь лингвистического анализа на доказательстве противоположного им утверждения, а именно экспликации негативной сущности молчания.

На многочисленных примерах употребления слова «молчать» в произведениях многих авторов и через обращение к молчанию с разных перспектив доказывается, что молчание – отрицательный феномен [9]. Именно отрицательность семантики молчания представляется как затрудняющее обстоятельство в изучении слов молчания (термин Н.Д. Арутюновой). Признаки отрицательности многочисленны. Так, слова молчания не могут быть знаками сами по себе, они всегда контекстны. Молчание не порождает дифференциальных признаков [9, с. 418]. Ситуации, в которых употребляется глагол «молчать» ненормативны [8, с. 422]. Молчание противостоит любой форме выражения социальной позиции, даже не собственной языковой [9, с. 429]. У него имеются некоммуникативные функции [9, с. 430], и реализуясь в таких функциях, молчание становится симптомом, условием, отказом [9, с. 431]. Семантика глагола «молчать» истолковывается через отрицательную форму глагола «говорить» [9, с. 418], постулируется, что в значение данного глагола входит отрицание [9, с. 421]. Автор приводит множество самых разных негативных значений молчания. Они воистину многообразны и убедительно показывают, что у молчания весьма богатый лексикон, хотя и негативный, в терминах позиции исследователя.

Действительно ли, однако, значения единиц молчания всегда отрицательны? Факты, представленные Н.Д. Арутюновой, позволяют в этом усомниться. Так, в группу симптомов внутреннего кризиса автором оказались включенными случаи сосредоточенности на сокровенном: *и каждый думал и молчал о чем-то дорогом* (М. Исаковский) [9, с. 424]. Представляется проблематичным интерпретировать подобные акты молчания как отрицательные по своей семантике.

Вынесенные в эпиграфе мнения, особенно Ф.М. Достоевского, также возражают против негативности молчания. Данные мнения поддерживают многочисленные мыслители прошлого и настоящего, особенно те исследователи коммуникативного поведения, которые изучали факты реального интерактивного процесса [18, 21, 22]. Обращение к последним, скрупулезный анализ семантики подлинных реплик молчания в коммуникативном поведении личности не позволяет подвести их все и даже сколь-нибудь большую их часть под интерпретационную парадигму отрицательности. Факты общения убедительно показывают, что у молчания действительно богатейший лексикон, однако не только отрицательной, но самой различной семантики. Неслучайно Д. Таннен, рассматривая молчание на материале подлинной разговорной речи, воздерживается от квалификации его как сугубо негативного феномена и допускает существование как негативного, так и позитивного по своей семантике молчания [20, с. 94 – 97].

Собранный нами материал также предоставляет многочисленные факты в пользу значительной частотности как позитивного, так и негативного по своей семантике молчания, причем в пределах всех из рассматриваемых нами языковых сообществ.

Рассмотрим следующий фрагмент из наших записей коммуникативного поведения.

1. Bob₁: (видя, что его жена закончила читать довольно толстую книгу):

How is the book?

Des₁: Thoughtful silence.

Bob₂: *Oh? What's it about?*

Des₂: Silence.

Bob₃: *Uhm, er... er... can I have a look?*

Des₃: Silence.

Bob₄: *Well, now, I see. hqmw! I think I will read it too, you know.*

Как видим, «некоммуникативное» молчание в данном эпизоде весьма убедительно сообщило мужу мысль, что книга, должно быть, заслуживает внимания, если его жена Дес, высокообразованная и разносторонняя личность, преподаватель известного университета, оказалась так ею захваченной. Общение в данном эпизоде, если считать его целью установление ценности книги, можно считать успешным именно потому, что собеседник оказался способным к восприятию кода молчания, сумел выделить положительный смысл его реплик молчания.

Не менее эффективно реплики молчания побуждают собеседника к действию и в следующем фрагменте.

2. A₁: *Ну чаго ты? Што я такое зрабіў? Ну от што?*

B₁: *Маўчанне.*

A₂: *Я нічога не зрабіў, я я я, ета самае, усе зрабіў, як мае быць.*

B₂: *Маўчанне.*

A₃: *Толькі што ў гародзе не ўсё не ўсё прыбраў, ны дык і што? У нядзелю прыбяру.*

B₃: *Маўчанне.*

A₄: *Ну от хоць заўтра прыбяру, калі ўжо на тое пайшло. Я ... Не, я ж усё я ж усё зрабіў!*

B₄: *Маўчанне.*

A₅: *От даўся табе гэты гарод! Ну што, калі і настаіць непрыбраны.*

Да заўтра, кажучы, настаіць.

B₅: *Маўчанне.*

A₆: *От! Ці! Гэ! Ыгыхы! (Выходзіць, каб пачаць прыбіраць у гародзе).*

В представленном фрагменте молчание собеседницы в контексте предшествующего опыта общения данных участников разговора, их знаний друг друга представляется второму коммуниканту весьма убедительным аргументом, побуждающим его пересмотреть принятое решение и приступить к действиям в русле требований, предъявляемых молчаливыми реакциями. Предшествующее данному фрагменту многократное говорение на тему о предпочтительных сроках подготовки огорода к зиме и доводы жены оказались менее убедительными. Примечательно, что в данном эпизоде смысл молчания оказался также адекватно воспринятым. Муж, наконец, понял, что его план действий не одобряется, что жена считает нужным не откладывать окончательную подготовку участка к зиме, более того, настаивает на своем мнении.

Эффективное распознавание смысла реплик молчания наблюдается и в следующем, зафиксированном нами, фрагменте общения.

3. А₁: *Так. Як так, дык тады з Вольгаю мы самі пойдзем.*
 Б₁: *Маўчанне.*
 А₂: *Чаго ты смяешся?*
 Б₂: *Глядзіць моўчкі.*
 А₃: *Ты не смейся. От. Мы вось пойдзем і дагаворымся. Самі.*
 Б₃: *Маўчанне.*
 А₄: *Яны нас паслухаюць.*
 Б₄: *Маўчанне.*
 А₅: *Чаго ты? Гень?!?*
 Б₅: *Маўчанне.*
 А₆: *От чагошачкі ты, Генька, такі?! А?*
 Б₆: *Глядзіць. Спрабуе паціснуць плячамі. Маўчанне.*
 А₇: *Ты вось толькі яшчэ што цяўкні, дык пабачыш. Будзе табе тады.*
 Б₇: *Ды не кажы я нічога!*
 А₈: *Кажаш!*
 Б₈: *Маўчу я!*
 А₉: *ыы!*
 Б₉: *Маўчу! Але ж смешна! Не! Пойдуць яны! Смешна!*

(Подчеркнутыми в данном фрагменте являются фрагменты одновременного говорения).

Как видно из представленного фрагмента, собеседник Б в репликах Б₁₋₆ не сказал ни одного слова и не произвел ни одной вокализованной реакции. Более того, с точки зрения постороннего наблюдателя, ни одним движением лица или выражением глаз он не показал, что смеется. Тем не менее его собеседница (жена по социальной роли) услышала говорение, причем именно насмешливого характера и оказалась, как явствует из реплики Б₉, совершенно права. Ее ошибка состояла лишь в том, что насмешливость соотносилась ею с говорением, в то время как в реальности она была манифестирована в молчании.

Такие ошибки время от времени совершали коммуниканты всех анализируемых культур. Характерным примером может быть следующий.

4. (У входа в выставочный зал)
 А₁: *Валек, привет!*
 Б₁: *Кивает тоже головой.*
 В₁: *Кивает рассеянно в ответ. Молчание.*
 А₂: *Уже оттуда? Ну как?*
 В₂: *Молчание.*
 Б₂: *А?*
 В₃: *Молчание.*
 А₃: *Что ты говори-шь! Ой! Я так и знала!*
 Б₃: *Ну ну! Эта-а!*
 А₄: *Идем, идем! Все! Слушай, Валек, что там самое-самое? Самое-пресамое?*
 В₄: *А?*
 Б₄: *Что тебе больше всего, тово, понравилось?*

Реплика А₃ «Что ты говори-шь!», как видим, суммирует смысл всех предшествующих реплик молчания В₁, В₂, В₃, воспринимаемых как убедительное говорение в пользу посещения выставки. Воистину, как полагали древние мыслители, говорение и молчание – одно. Однако все-таки они принадлежат разным линиям одной сущности – коммуникативного поведения. Каждая из данных линий обладает способностью передавать самые разные смыслы; если говорить о молчании, то не только негативные.

Вместе с тем представленные примеры демонстрируют не только позитивность семантики реплик молчания, но и то весьма важное обстоятельство, что молчание в них было адекватно понятым. В значи-

тельном количестве случаев, однако, понимание не достигается или у коммуникантов создается впечатление, что они поняли собеседника, тогда как на самом деле нет.

5. А₁: *Куды ты, госпадзі!*
Б₁: *Ну, у-уу... я ета... у гараж.*
А₂: *Маўчанне.*
Б₂: *Мо што падпраўлю.*
А₃: *Маўчанне.*
Б₃: *Калёсы трэба паглядзець.*
А₄: *Маўчанне.*
Б₄: *Да вечары тады.*
А₅: *Маўчанне.*
Б₅: *Трымайся!*
А₆: *Маўчанне.*

Коммуникант Б в данном фрагменте, как было установлено в последующем обсуждении, убежден, что его жена поддерживает его в его намерении весь день очередной раз провести в гараже, подправляя «што нада», в то время как в действительности все было с точностью до наоборот. Можно предположить, особенно основываясь на достаточно аффективной, личностной интерпретации данного фрагмента участвовавшими в анализе информантами, что случаи такого непонимания в реальном коммуникативном процессе наблюдаются значительно чаще, чем это нам удалось зафиксировать. И что именно непонимание молчания и повторяемость случаев такого непонимания привели к достаточно распространенному убеждению если не в негативности, то подозрительности молчания. Подобная интерпретация молчания весьма убедительно представлена в одноименном рассказе Л. Андреева, главным героем которого как раз и является феномен молчания. Важнейшие значения последнего оказываются неизвестными героям данного рассказа. Более того, они разделяют достаточно распространенное, в том числе и среди исследователей, убеждение о негативном характере феномена молчания. В результате действующие лица рассказа оказываются в ситуации абсолютного непонимания друг друга и мира, полного краха своих планов и жизненных устремлений. Определенное спасение в некоторой степени теоретически оказывается возможным лишь для главного персонажа рассказа, уразумевшего ценой полного крушения своей личной и общественной жизни, что подлинные смыслы бытия являются нам реализованными не только, а в ряде ситуаций и не столько, в вербальном коде, сколько в коде молчания, однако распознать хотя бы некоторые из них, сколько он не силится, он так и не может [23].

Как видим, проблема семантики реплик молчания стоит весьма остро во всех группах интерпретирующих его субъектов – рядовых коммуникантов, исследователей гендера, ученых, занимающихся проблемой молчания. Иными словами, распознавание, фиксация, понимание смыслов, реализованных в молчании, представляется важнейшей задачей не только для главного персонажа рассказа Л. Андреева, но и для исследователей коммуникативного поведения, функционирования языка, гендера, ибо такой подход позволяет получить реальные данные о лингвистической значимости феномена молчания, добыть информацию о значении его единиц, некоего рода слов, по удачному терминологическому обозначению Н.Д. Арутюновой. Упование на контекстность, как убедительно показывает в своем рассказе Л. Андреев, не оправдывает себя. Распознавание смысла все равно оказывается возможным только с опорой на предзнание, иными словами, на знание хотя бы того, какими важнейшими смыслами оперирует код молчания.

Понимание молчания как кода представляется особенно важным для современного состояния изученности проблемы. Имплицитно данное понимание присутствует во многих работах, представляющих его как явление, существующее в определенной иерархии его единиц [7, с. 95] и реализующихся в коммуникативном поведении в виде действий [12, с. 7 – 11], даже слов [9]. Об этом же, по сути, говорит Л. Андреев, когда отмечает, что главному персонажу его рассказа чудилось, что все его долгие разговоры на работе, со знакомыми на самом деле являются молчанием, а истинное говорение существует в форме молчания, и что самые главные для него жизненные смыслы после смерти дочери оказались манифестированными в молчании. И он силится, увы, безуспешно распознать значение хотя бы некоторые из этих смыслов [24, с. 200 – 206].

Эксплицитное определение молчания как кода содержится в известном исследовании Савиль-Тройке, которая, сопоставив самые разные точки зрения и подхода к осмыслению молчания, приходит к убеждению о том, что оно является одним из кодов общения [12, с. 5]. Такая интерпретация, на наш взгляд, способствует постижению гендерных особенностей молчания, облегчает дальнейшее изучение его как лингвистического феномена.

Общеизвестно, что культура производит смыслы, и эти смыслы поддерживают общество. Представляется важным напомнить, что данные смыслы могут быть реализованы средствами многих кодов. Ведь любая культура – многокодовое образование. И особенности каждого кода определяются не только текстурой его внутренних составляющих, но и их взаимодействиями с другими кодами. Язык при таком

подходе может быть определен как не более чем один из таких кодов [25] или семиологических систем [26, с. 16; 27 с. 446]. Молчание и говорение, как подметили еще древние, составляют в общении одно целое, значит, обусловленность данных кодов, семантика их единиц особенно тесная. Выявление характеристик одного неизбежно способствует постижению другого.

В настоящее время молчание чаще всего принято определять в терминах отсутствия, то есть с негативных позиций. Неизвестную сущность, как подметили герменевты, всегда легче определить именно в таких терминах, характеризуя ее через те признаки, качества, действия и т.п., которые ей не свойственны [28, с. 383 – 391]. Так, при толковании слова «молчать», как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, словарь Ушакова прибегает к отрицательной форме глагола «говорить» [9, с. 418]. Добавим, что аналогичным образом поступают и авторы других весьма авторитетных словарей, в частности Оксфордского словаря английского языка [29]. Правомерно ли, однако, переносить данный герменевтический прием, заключающийся в опоре на отсутствующие признаки, на сущность описываемого явления? Герменевтика, наука о понимании, предостерегает от подобных попыток, аргументированно отмечая, что такие определения могут свидетельствовать не о негативности определяемой сущности, а об отсутствии всесторонней информации о ней, о недостаточной ее изученности. Или, как убедительно показал Л. Витгенштейн, о переносе закономерностей существования или анализа реалий языка на объекты действительности [30, с. 282], в данном случае на особенности коммуникативного поведения и другие, невербальные, его коды. Представляется поэтому, что заключения о ненормативности молчания, его негативности и вторичности [31, с. 225] требуют уточнения, если они исходят только из того, как определяется в словарях и с помощью каких оппозиций изучается сущность молчания в специальных исследованиях. Данные уточнения возможны, только если мы расширим наши знания об определяемом объекте. Такое расширение предполагает, прежде всего, фиксирование и описание реальных актов молчания подобно тому, как лингвисты рассматривают совершенно конкретные примеры употребления языка. На наш взгляд, только в таком случае, в полном соответствии с известным тезисом Э. Бенвениста [32, с. 22], возникает возможность анализировать молчание как нечто абсолютно обозримое, конкретное, описать его ради его самого, проверить, всегда ли правомерны те определения и выводы, которые уже были сделаны учеными о его сущности, выявить важнейшие его разновидности и передаваемые им смыслы.

Сказанное особенно справедливо для исследований, ставящих своей целью выявление гендерных особенностей реализации молчания. Последнее возможно, если мы скрупулезно выясним, в каких значениях молчание реализуется в общении представителей разных гендеров. Иначе нам придется признать адекватность уже выполненных исследований, обобщающих большее количество молчания в поведении женщин только как знак их ущербности, второстепенности, негативности в полном соответствии с традиционным видением феномена молчания [23].

Мы полагаем, что подлинные особенности реализации молчания в коммуникативном поведении мужчин и женщин состоят в весьма тонких, незаметных, ускользающих от прямолинейных обобщений предпочтениях и связаны с частотностью реализации единиц молчания определенной семантики. Иными словами, представители разных гендерных групп конструируют свою гендерную идентичность в том числе и с помощью определенных предпочтений в манифестации реплик молчания той или иной семантики.

Более того, данное конструирование имеет культурную специфику, опять-таки выражающуюся в особенностях количественных диспропорций встречаемости реплик молчания определенного значения.

Какие же значения единиц или слов молчания известны исследователям сегодня? При внимательном анализе имеющейся литературы оказывается, что, несмотря на признание существования обширнейшей многозначности молчания, мы располагаем весьма ограниченной информацией о конкретных его значениях.

Благоговейное молчание в общении с богом в церкви [22], молчание-сопротивление, молчание-подавление, молчание-агрессия [33], молчание-защита [26], молчание-обдумывание или так называемое креативное молчание [27] почти исчерпывают перечень в той или иной мере исследованных конкретных значений актов молчания.

Сказанное означает, что выявление гендерной специфики молчания в коммуникативном поведении говорящего субъекта предполагает прежде всего установление конкретных значений реплик молчания в его поведении и сопоставление употребительности реплик с данными значениями у представителей разных гендерных групп.

Суммируя приведенные размышления и данные о молчании можно сделать следующие **выводы**:

1. Молчание полисеманлично. Многообразные его значения охватывают как негативные, так и позитивные смыслы.

2. Его роль в коммуникативном поведении личности правомерно интерпретировать как роль кода, который вместе с другими кодами, в том числе и основным, главным кодом – языком, конституирует коммуникативное поведение, составляет то, что принято называть коммуникативным поведением личности.

3. Исследованность типичных или наиболее частотных значений единиц кода молчания незначительна, что препятствует не только сопоставительному анализу в целях выявления гендерной специфики коммуникативного поведения, но и в значительной мере упрощает наше видение процесса общения и тех отношений, которые возникают между единицами вербального кода, и других кодов коммуникации, скрывают глубины общего и различного в интерактивном процессе сопоставляемых культур, вводит в заблуждение относительно семантической палитры молчания, его способности идентифицировать гендерную принадлежность говорящего субъекта.

4. Для полноценного исследования гендерно дистинктивной роли молчания необходимо сопоставительное изучение употребительности именно отдельных конкретных значений единиц кода молчания.

Вытекающие из представленных выводов задачи связаны с изучением наиболее частотных значений молчания и гендерных особенностей их употребления. Осуществление данных задач актуально не только в плане решения некоторых теоретических проблем коммуникативного поведения, функционирования языка и его гендерной дифференциации; оно важно, прежде всего, с практической точки зрения, а именно: для полноценного общения, непосредственного решения самых насущных потребностей человека. Ведь невладение кодом, незнание хотя бы наиболее частотных значений его единиц не просто обедняет интерактивный процесс, оно, как убедительно показал в своем произведении Л. Андреев, делает данный процесс в корне ущербным, неполноценным, что, учитывая центральность проблем коммуникации, неизбежно сказывается на качестве жизни любого говорящего субъекта и общества в целом. Представляется, что именно об этом говорят мыслители прошлого, когда уравнивают молчание и говорение по их ценности [36, с. 106] или даже ставят первое на самую высокую ступень, как это имело место в религиозном течении даосизма [37, с. 138].

Слова молчания, конечно же, контекстны. Но и слова вербального кода тоже. Правда, степень контекстности у них может быть разной, гораздо менее выраженной именно у вербальных слов. Тем не менее мы не воспринимаем слово вербального кода сразу во всех его значениях, хотя бы даже только тех, которые зафиксированы в словарях, то есть не включая идеалектные его интерпретации. Контекст подводит нас к единственно верному значению слова. Если бы мы оказались перед необходимостью представить слово вербального кода сразу во всех его значениях, то, скорее всего, мы оказались бы в ситуации, весьма напоминающей положение вещей с молчанием сегодня, понимаемым как некий генерализованный феномен [9], компонент коммуникативного поведения [6], который способен передать любые смыслы в конкретных речевых актах [1].

Мы полагаем, что так же, как предзнание возможных значений слова облегчает его восприятие в контексте, владение важнейшими смыслами молчания способно помочь пониманию общающихся сторон. Кроме того, знание значений молчания позволит провести эффективное сопоставление гендерных особенностей его реализации, выявить их возможную культурную специфику, интерпретировать как роль кода, который вместе с другими кодами, в том числе и с основным, вербальным кодом, осуществляет взаимодействие сказанного и несказанного и тем самым участвует в сотворении всего богатства смыслов, свойственных общению.

Представленный подход к исследованию гендерно дистинктивного потенциала молчания нов для лингвистики. Новизной отличается сама интерпретация молчания как кода, презумпция наличия в нем многих конституирующих его слов молчания, предположение о существовании в коммуникативном поведении целого ряда весьма частотных действий молчания сходной или однотипной семантики, знание которых облегчает понимание, способствует успешной коммуникации и требует поэтому тщательного изучения и детального описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилова, Н.Б. Онтология молчания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Б. Корнилова. – Ярославль, 2002. – 164 с.
2. Соколов, Т.В. Молчание как нулевой концепт ассоциативного тезауруса детства / Т.В. Соколов // Семантика слова, образа, текста. – Архангельск: изд-во Приморского ун-та, 1998. – С. 34 – 39.
3. Богданов, К.А. Очерки по антропологии / К.А. Богданов. – СПб.: Изд-во РХГУ, 1997. – 344 с.
4. Merton, T. Facing oneself in silence / T. Merton // Media Development. – 1982. – № 24 (4). – P. 20 – 21.
5. Johannesen, R. The functions of silence: A plea for communication research / R. Johannesen // Western Speech. – 1974. – № 38. – P. 25 – 35.
6. Инубуси, Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Йоко Инубуси. – М., 2003. – 107 с.
7. Крестинский, С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге / С.В. Крестинский // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 93 – 96.

8. Меликян, С.В. Функции молчания в коммуникативном поведении человека / С.В. Меликян // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – С. 91 – 94.
9. Арутюнова, Н.Д. Феномен молчания / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 417 – 436.
10. Сеничкина, Е.П. О стилистической значимости молчания / Е.П. Сеничкина // Филологическая герменевтика и общая стилистика. – Тверь: ТГУ, 1992. – С. 24 – 39.
11. Крестинский, С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания / С.В. Крестинский // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. – Тверь: ТГУ, 1998. – С. 74 – 76.
12. Saville-Troike, M. The place of silence in an integrated theory of communication / M. Saville-Troike // Perspectives on silence. – Norwood, N.J.: Ablex, 1985. – P. 3 – 18.
13. Bruneau, T.J. Communicative silences: Forms and Functions / T.J. Bruneau // Journal of communication. – 1973. – № 23. – P. 17 – 46.
14. Meerloo, J.A. The strategy of silence / J.A. Meerloo // Communication. – 1975. – № 2. – P. 69 – 79.
15. Эстерберг, Э. Молчание как стратегия поведения / Э. Эстерберг // Arbor Mundi – Мировое древо. Вып. 4. – М., 1996. – С. 21 – 42.
16. Почепцов, Г.Г. Молчание как знак / Г.Г. Почепцов // Анализ языковых систем: История логики и методологии науки. – Киев, 1986. – С. 46 – 59.
17. O’Kelly, T. Land of loud silences: Understanding Japanese communicative behaviour / T. O’Kelly // Media Development. – 1982. – № 24 (4). – P. 30 – 33.
18. Bruneau, T.J. Communicative silences in cross-cultural perspective / T.J. Bruneau // Media Development. – 1982. – № 24 (4). – P. 6 – 8.
19. Kurzon, D. Discourse of Silence / D. Kurzon. – Amsterdam: Philadelphia, 1998. – 161 p.
20. Tannen, D. Silence: Anything But / D. Tannen // The Perspectives of Silence. – Norwood, N.J.: Ablex, 1985. – P. 93 – 111.
21. Jaworski, A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspective / A. Jaworski. – London: Sage, 1993. – 191 p.
22. Maltz, D.N. Joyful Noise and Everent Silence: The Significance of Noise in Pentecostal Worship / D.N. Maltz // The Perspectives of silence. – Norwood, N.J.: Ablex, 1985. – P. 113 – 137.
23. Пугрова, М.Д. Анализ рассказа Л. Андреева «Молчание» сквозь призму лингвистических знаний / М.Д. Пугрова // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2005. – № 7. – С. 168 – 174.
24. Андреев, Л. Молчание / Л. Андреев // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. – С. 200 – 206.
25. Whitney, W.D. Logical Consistency in Views of Language / W.D. Whitney // American Journal of Philology. – 1880. – № 1. – P. 327 – 343.
26. Saussure, F. Course in General Linguistics / F. Saussure. – London: Peter Owen, 1966. – 240 p.
27. Jakobson, R. The Development of Semiotics / R. Jakobson // Language in Literature. – Cambridge, Mass, London: Harvard University Press, 1987. – P. 436 – 454.
28. Thiselton, A.C. The Two Horizons / F.C. Thiselton. – Michigan: The Paternoster Press, 1993. – 484 p.
29. The Oxford English Reference Dictionary / ed. J. Pearsall, B. Trumble. – 2nd ed. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – 1765 p.
30. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира / сост. К. Ко-ролев. – М.: СПб.: Terra Fantastica. – С. 220 – 548.
31. Кубединова, Л. Фразеологические средства обозначения феномена молчания / Л. Кубединова // Мова. Літаратура. Культура: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Мінск, 16 – 17 лістапада 2006 г. – Мінск, 2007. – С. 223 – 228.
32. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
33. Gilmore, P. Silence and Sulking: Emotional Displays in the Classroom / P. Gilmore // The Perspectives of silence. – Norwood, N.J.: Ablex, 1985. – P. 139 – 162.
34. Saunders, G.R. Silence and Noise as Emotion Management Styles: An Italian Case / G.R. Saunders // The Perspectives of silence. – Norwood, N.J.: Ablex, 1985. – P. 165 – 183.
35. Cliff, M. The resonance of interruption / M. Cliff // Chrysalis. – 1979. – № 8. – P. 29 – 37.
36. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
37. Dauenhauer, B.P. Silence: The phenomenon and its ontological significance / B.P. Dauenhauer // Bloomington: Indiana University Press, 1980. – 244 p.

Поступила 14.05.2007